

Портрет моей матери

*Нехай маты усмехнёўся,
Заплакана маты.*

Шевченко

Она подымается на пятый этаж,
Мелкая старушка с горькими слезами.
Лестница та же, и дверь всё та ж...
Но как волнуется! Точно экзамен.
Прыгают губы. Под сердцем нудит.
За дверью глухо звучит пианино.
С медной таблички бесстрастно глядит
Чужая жизнь родного сына.

Здесь кухня в шутку зовётся «лог»,
«Рыцарской залой» — столовая,
Послеобеденный чай — фэйф-о-клок
(Кто его знает, что за слово?).
И всё это комнатное аргю
Полно игнорирующего уютя.
Она себя чувствует здесь каргой,
Севшей на шкаф и взирающей люто.

Но наконец нажимает звонок.
Его холодок остаётся на пальцах.
Слушает... Вот! Это стук его ног.
Да-да. Это он. Её мальчик.
В последний раз поправляет платок...
На лестницу бурно вырвался Штраус.
Я ей улыбаюсь, снимаю пальто,
Чмокаю в щёку. Стараюсь.
Она так мизерна. Может быть, я
Слишком басю? Я дьявольски кроток.
Это лучшие миги её бытия,
Она на минуту чувствует отдых.
И вместе с убогой лысой лисой
С души стекают ледовые оползни.
Её вековечное лицо
Опять становится симферопольским.

И слушаю этот милый слог,
И крымский пейзаж оживает снова...
Как в зимнем сене сухой василёк,
В речи попадает татарское слово.
Но вдруг исчезают «сенап» и «шашла»,
Лицо старушки сведено драмой:
Слышится внучкин голос: «Мама!
Чёрненькая бабушка пришла».

И входит жена, и зовёт пить чай.
И мы неестественно выходим из комнаты.
Старушка идёт, как сама печаль,
А мы с женой, как виновные в чём-то...
И к «чёрненькой бабушке» из-за стола
Розовая тёща встаёт и кланяется,
Падчерица вскакивает, как стрела,
Вспрыгивает жена на племянница.
И каждый считает, что он не прав.
И все выстраиваются по линии,
Как будто в воздухе летят Эринии,
Богини материнских прав.
Но гранд-парада почётный строй
Старушка встречает горькой усмешкой:
Она себя чувствует здесь турой,
Стигнутой королевой и пешками.
Корни обиды глубоко вросли.
Сыновий лик осквернён отныне,
Как иудейский Иерусалим,
Ставший вдруг христианской святыней.

А что ей почёт? Это так... По годам.
От победителей нет признанья.
Она лишь попавшая к господам
Ихнего сына старая няня...
И дымная трудовая рука
В когтях и мозолях — рука вороны —
Делает к сахару два рывка
И вдруг становится как бы варёной,
Как пронзённой миллионами глаз...
И так ей муторно, как от болести,
Точно рука у неё зажглась
Огненной казнью на Лобном месте.
И всё молчит. То ли тема узка,
То ли напротив: миф для трагедии.
Берёт она два небольших куска,
Хотя ей очень хочется третий.
И я с раздраженьем хватаю ещё
И, улыбаясь, кладу в её чашку.
«К чему?» Она поднимает плечо —
И всем становится тяжело.
Потом жена её снова зовёт,
Уложит, укроет оленьей шубой.
И снится ей, что она живёт
Вместе с сыном в таврической глубине;

Что нет у него ни жены, ни детей.
Она в чулке бережёт его тыщи...
К чему? Зачем? Неизвестно и ей.
Просто так. Для духовной пищи.

Потом очнётся, как от вина,
Вздохнёт, отлежится и скажет сторожко:
«Дал бы, сынок, сахарку старушке,
Но только пускай не знает *она*».

И я, подмигнув, забираюсь в «лог»
И зазываю жену из «зала»:
«Дай-ка, рыжик, для мамы кулёк,
Но так, чтобы ты, понимаешь, не знала!»

И мать уходит. Держась за карниз,
Бережно ставя ноги друг к дружке,
Шажок за шажком ковыляет вниз,
Вся деревяненькая, как игрушка,
Кутая сахар в заштопанный плед,
Вся истекая убогою ранкой,
Прокуренный чадом кухонных лет,
Старый, изуродованный жизнью ангел.
И мать уходит. И мгла клубится.
От верхней лампочки дома темно.
Как чёрная совесть отцеубийцы,
Гигантская тень восстала за мной.

А мать уходит. Горбатым жуком
В страшную пропасть этажной громады,
Как в прах. Как в гроб. Шажок за шажком.
Моя дорогая. Заплакана маты...

Ледокол «Челюскин», мыс Рыркарпий, 1933

Весеннее

Весною телеграфные столбы
Припоминают, что они — деревья.
Весною даже общества столпы
Низринулись бы в скифские кочевья.

Скворечница пока ещё пуста,
Но воробышки спорят о продаже,
Дома чего-то ждут, как поезда,
А женщины похожи на пейзажи.

И ветерок, томительно знобя,
Несёт тебе надежды ниоткуда.
Весенним днём от самого себя
Ты, сам не зная, ожидаешь чуда.

1961

Гимн женщине

Каждый день как с бою добыт.
Кто из нас не рыдал в ладони?
И кого не гонял следопыт
В тюрьме ли, в быту, фельетоне?
Но ни хищность, ни зависть, ни месть
Не сумели мне петлю сплести,
Оттого что на свете есть
Женщина.

У мужчины рука — рычаг,
Жернова, а не зубы в мужчинах,
Коромысло в его плечах,
Чудо-мысли в его морщинах.
А у женщины плечи — женщина,
А у женщины локоть — женщина,
А у женщины речи — женщина,
А у женщины хохот — женщина...

И, томясь о венерах Буше,
О пленительных ведьмах Ропса,
То по звёздам гадал я в душе,
То под дверью бесёнком скрёбся.
На метле или в пене морей,
Всех чудес на свете милей,
Ты — убежище муки моей,
Женщина!

Был я однажды счастливым...

Был я однажды счастливым:
Газеты меня возносили.
Звон с золотым отливом
Плыл обо мне по России.

Так это длилось и длилось,
Я шёл в сиянье регалий...
Но счастье моё взмолилось:
«О, хоть бы меня обругали!»

И вот уже смерчи вьются
Вслед за девятым валом,
И всё ж не хотел я вернуться
К славе, обложенной салом.

1963